* * *

Эта майская истома:
кандыки цветут в стакане…
Тёплый вечер в душу канет,
напоследок по-простому
каркнет вороном на ветке,
прогудит товарняком,
и, как маленькие детки,
приумолкнет ни о ком…

Просто тихо, просто лето
скоро с грозами и речкой,
просто кошка вышла где-то
на нагретое крылечко…
Эта майская истома
всех брала и будет брать.
Баба Настя, мама Тома,
вам не страшно помирать?

* * *

Простой барометр души –
Вороны в поле зрения.
Не хочешь горя? Не пиши
О нём стихотворение.

Я столько выклянчила слёз
У Господа – не меряно!
Зато душа моя всерьёз
На небе не потеряна.

Летят вороны поутру –
На гнёзда ветки ищут…
Стекло оконное протру,
Чтоб небо было чище.

НЕ ШУТЯ

Он совсем сошёл с ума –
если можно так о снеге:
фонари, мосты, дома –
в белом беге.
И сквозь эту белизну
первой зимней акварели
я иду бреду ко сну
еле-еле.
Много выпито вина,
в кои веки я пьяна,
дочка смотрит из окна
без улыбки.
А большой ничейный кот
у подвала что-то ждёт,
а вдогонку сердце рвёт
соло скрипки.
Ты прости меня, дитя,
я сегодня плакать буду
и молиться за Иуду –
не шутя.

БЛАЖЬ

Цена любви – отчаянье. Цена
отчаянья – любовь. Иная – мелочь.
Любовь, когда вселенная видна
насквозь, а под тобою мрак без дна…
Я о такой помыслить бы не смела,
когда б, с высот отчаяния вниз
сорвавшись и войдя в глубины света,
не поняла я, что тропа поэта
ведёт из подворотни на карниз…
Смешно, но факт.
Печально, но кому
взбредёт в башку блажного взять под крышу?
Прислушиваюсь к вечности и слышу:
«Мне, мне! Не заблуди его. Приму».

ЗНАКОМО

Пообломаны сирени,
Позагажены дворы.
У единственной качели
Курит стайка детворы.

У бачков – воронья стая,
У пивнушки – мужики.
Ветер, тополя листая,
Тихо воет от тоски.

А на лавочке у дома
Вдаль глядит олигофрен…
Всё обжито, всё знакомо,
На какой, скажите, хрен

Я, как ветер, по страницам
Жизни вчитываюсь в суть,
Если у помоек – птицы,
Мужики в подъездах ссут?

Ну а дети? Будет стая!
Подрастут вот погодя…
Боже правый! Русь святая
Что оставит, уходя?

ПО ХОЛСТУ

Кистью, праздной столько лет,
Замесила на палитре
Льющийся из сердца цвет:
Хочешь – мажь, а хочешь – вытри.

Мажу. С ходу, без белил:
Умбра, киноварь, индиго,
Будто дух на холст пролил
Меру вызревшего мига.

Ринулся взахлёб поток
Вдоль и поперёк формата,
Вне канона. Видит Бог,
Я сейчас не виновата.

Белой стаей снявшись с мест,
(Ангелы? А может, птицы?) –
Только бы в формат вместиться –
Проступил из цвета Крест.

Да, Вселенная в цвету!
И смотрю я ошалело,
Как струится по холсту,
Чем душа моя болела.

* * *

Синица принесла мне весть,
Что свет на белом свете есть!

Она влетела в мой покой
И села на листок строкой.

Поцвикала в святом углу,
От образов смахнула мглу

Моих немотств, под потолок
Взвилась, как смысл последних строк,

Крестом зависла надо мной
И выпорхнула в мир иной.

ГДЕ-ТО ТАМ

Лает пёс в подъезде. Лает,
Потому что это пёс.
Сколько лет здесь прожила я?
Вспоминается до слёз.

Коммунальные услуги,
Коммунальные умы,
Зреют недруги и други
В лоне коммунальной тьмы.

Наркоманы, выпивохи,
А под окнами – «Рено»…
Достаются малым крохи
От чужих страданий, но

Каждый сам себе правитель,
Сам и раб же, сам и вор.
Кто-то где-то там предвидел
У коммуны перебор…

Что ты брешешь? Что ты лаешь?
Ночь уже. Хоть ты усни!
Непричёсанная, злая,
Зажигает тьма огни.

* * *

Осень. По дворам метут, сгребают,
Воскуряют палую листву.
Осень.
Золотисто-голубая.
Я в неё вступаю наяву.

Может быть, снега ещё остудят
Губ тепло и жар больной души.
Может быть, и счастье в жизни будет,
И утраты будут хороши.

Может быть. А может – не случится
Всё и всем положенное в срок.
Звон синицы в жизнь мою стучится,
А любви не выучен урок.

Тишина под небом, и отрада –
Горький дым поблекнувшего дня…
Горько в сердце.
Но привыкнуть надо
К не – существованию меня.

г. Новокузнецк